

легорией, моральной басней, истолкование которой есть экономический и моральный утилитаризм» [8, т. V, с. 221].

Заметки Достоевского в тетрадах 1873 г. и в «Дневнике писателя» за 1873 и 1876 гг. о понимании «Христовой истины» как «братства людей», «человеколюбия» и «всепримирения» народов — не являются ли они своеобразной идейной конфронтацией «Византизму...»? Одну из записей Достоевского в тетрадах 1875—1876 гг. можно расценивать как размышление над этим катехизисом деспотизма: «Я никогда не мог понять смысла, что лишь $\frac{1}{10}$ людей должны получать высшее развитие, а что остальные $\frac{9}{10}$ служат лишь материалом и средством. Я знал, что это факт и что пока иначе невозможно... но я никогда не стоял за мысль, что $\frac{9}{10}$ надо консервировать и что это-то и есть та святыня, которую сохранять должно. Эта идея ужасна и совершенно антихристианская» [12, с. 408]. Близкий одно время к Леонтьеву Владимир Соловьев приводит в полемике с ним слова писания «и бесы веруют и трепещут» [13, с. 25]. В записных тетрадах Достоевского к роману «Бесы» есть именно эта фраза. Уже в тетрадах 1875—1876 гг. появляется мысль, получившая развитие в последнем романе — «Великий инквизитор со Христом» [12, с. 470].

В феврале 1878 г. двадцатипятилетний Владимир Соловьев, уже весьма известный философ и публицист, знакомится с К. Леонтьевым. В письме от 14 февраля 1878 г. Леонтьев сообщает племяннице, что они «очень подружились»². Ранее Владимира с Леонтьевым был уже знаком его брат Всеволод Сергеевич — исторический беллетрист и критик. Леонтьев считал его своим «почитателем» (письма к М. В. Леонтьевой от 11 и 14 февраля 1878 г.). Между тем оба молодых человека — друзья и горячие поклонники Достоевского.

23 июня 1878 г. (спустя четыре месяца после знакомства и бесед с К. Леонтьевым) Владимир Соловьев едет с Достоевским в Оптину Пустынь, где Леонтьев подолгу жил. В дороге Достоевский делится мыслями о будущем романе «Братья Карамазовы», и они, конечно, не могут не вспомнить Леонтьева. Всеволод Соловьев также не мог не рассказывать Достоевскому о Леонтьеве.

Итак, знакомство писателя с мировоззренческой и литературной эволюцией К. Н. Леонтьева не подлежит сомнению; внимание к его теориям, размышление над ними и страстное идейное противостояние им очевидны; факты личного общения можно считать установленными.

* * *

Современники, Ф. М. Достоевский и К. Н. Леонтьев, имевшие целый ряд общих знакомых в литературных и светских кругах, могли знать друг о друге не только то, что они писали в журналах, но и то, чего не писали: Достоевскому могла быть известна необычная биография Леонтьева, его могла интересовать и поражать личность последнего.

К. Н. Леонтьев происходил из обедневших калужских дворян. Есть предположение (В. В. Розанов), что он был незаконным сыном урожденной Федосьи Петровны Карабановой (ср. Карамазовы), в замужестве Леонтьевой, — дочери академика и поэта. Он имел двух старших братьев, один из которых был разжалованный, опустившийся офицер, другой — журналист, сотрудник либеральной газеты «Голос». Леонтьев «недоучился» на медицинском факультете Московского университета, участвовал в Крымской войне в качестве военного врача, потом посвятил себя дипломатии, служил в Греции, на Балканах, был в Турции (1863—1871 гг.). Как беллетрист он заявил о себе с начала 1850-х годов, но его романы и повести успеха у читателя не имели. В 1860 г. он опубликовал в «Отечественных записках» критическое эссе о романе Тургенева «Накануне»,

² ЦГАЛИ, ф. 290 (К. Н. Леонтьев), оп. 1, ед. хр. 33.